

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Забытая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи

Леонид Борисович ВАРДОМСКИЙ

доктор экономических наук, заведующий Центром постсоветских исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: wardom@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9508-5945

ЦИТИРОВАНИЕ: Вардомский Л.Б. (2020) Забытая интеграция: провал и уроки Совета экономической взаимопомощи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 176–195.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Статья поступила в редакцию 24.04.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках темы госзадания «Российский фактор в социально-экономическом развитии стран «пояса соседства».

АННОТАЦИЯ. Эволюция СЭВ рассматривается с использованием концепции жизненного цикла. Вхождение в отдельные этапы жизненного цикла зависит от соответствия интеграционных институтов внутренним и внешним факторам развития стран-участниц, соотношения интеграционной и национальной идентичности. Анализ СЭВ позволяет оценить динамику важных для России современных интеграционных проектов.

Главными причинами провала СЭВ стала переоценка роли плановых инструментов и недооценка важности монетарных инструментов, коллективное импортозамещение (автаркия) и технологическая слабость, прежде всего СССР как лидера интеграционного процесса. Для модернизации своей промышленности страны СЭВ в условиях разрядки наращивали импорт

оборудования из стран Запада. Возникающую в связи с ростом внешнего долга проблему бюджетного дефицита страны были вынуждены решать путем повышения цен на потребительские товары и услуги, что вызывало социальное недовольство. Задержки с рыночными реформами усугубляли ситуацию. Начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка повлекла кардинальные изменения во внутренней и внешней политике и дала «зеленый свет» рыночным преобразованиям в странах ЦВЕ.

Несмотря на неудачу, СЭВ внес заметный вклад в развитие мировых процессов регионализации. Он был частью биполярного мироустройства и поддерживал стратегическую стабильность в мире, способствовал совершенствованию институтов европейской интеграции, особенно в части планирования интеграционного процесса и

создания механизмов сближения уровней развития и благосостояния стран-участниц.

Опыт СЭВ показал, что для соответствия нарастающей сложности международных экономических отношений необходимо создавать соответствующие им интеграционные и национальные институты стран-участниц. Центральным вопросом эффективности интеграции является обретение странами-участницами такой специализации не только в рамках интеграционного объединения, но и мировой экономики в целом, которая обеспечит получение ими устойчивого дохода.

Современные интеграционные объединения будут в ходе эволюции менять функции и институты, состав участников, входить в более крупные альянсы, но вряд ли будут исчезать из мировой экономики, как СЭВ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *СЭВ, жизненный цикл, институты, национальные интересы, идентичность, СССР, страны ЦВЕ, интеграционный проект, координация планов, специализация, рыночные реформы, ЕС, постсоветская интеграция, Россия*

Приближается 30-летняя годовщина завершения деятельности СЭВ, который просуществовал недолго, но довольно ярко, показав пороки и достоинства социалистической системы хозяйствования. Экономическое сотрудничество стран СЭВ позиционировалось как новая модель мирового экономического порядка, основанная на национальном суверенитете, координации планов и общности социали-

стических ценностей [Шмелев 2002, с. 152]. СЭВ составлял ядро мировой социалистической системы, лояльной СССР, которая была частью биполярного мира. Но для партнеров СССР по СЭВ приверженность социалистической идее сочеталась с национальными ценностями. Посредством взаимной кооперации страны надеялись создать современную экономику, устойчиво повышать благосостояние населения, приблизиться по уровню развития к ведущим странам мира и укрепить свои позиции в мире.

В свое время много научных работ было посвящено международному социалистическому разделению труда (МСРТ) и социалистической экономической интеграции (СЭИ). Интеграционный проект в рамках СЭВ глубоко изучался в период своего становления, развития, на этапе угасания и после его закрытия¹. В наиболее законченном виде итоги этих исследований были изложены в трехтомнике «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века», изданном под общей редакцией академика А.Д. Некипелова в издательстве «Наука» в 2000 и 2002 гг.

В настоящей статье автор делает попытку посмотреть на этот проект с точки зрения сегодняшнего дня, в контексте того, что происходило в мировой экономике и как это влияло на деятельность СЭВ, как развивались его институты, а также того опыта, который может быть полезен для оценки современных интеграционных проектов.

Для анализа использовалась концепция «жизненного цикла», которая широко применяется в разных науках,

¹ Большой вклад в исследование СЭВ на всех этапах его жизненного цикла внесли советские и российские ученые академики О.Т. Богомолов, А.Д. Некипелов, Н.П. Шмелев, члены-корреспонденты Р.Г. Гринберг, Ю.С. Ширяев и К.И. Микульский, доктора наук А.Н. Барковский, А.Н. Быков, Л.З. Зевин, Р.Н. Евстигнеев, Ю.Ф. Кормнов, М.М. Максимова, Ю.И. Орлик, В.М. Шаститко, Ю.В. Шишков, ученые Польши П. Божик, М. Гузек, В. Искра, Е. Клеер, Болгарии – Ж. Аройо, Т. Хубенова, Н. Царевский, Венгрии – Ш. Ауш и К. Печи, ГДР – Г. Кольмей и К. Моргенштерн, Чехословакии – П. Хвойка и И. Таухман.

использующих эволюционный подход [Широкова, Клемина, Козырева 2007, с. 3–31]. Под жизненным циклом интеграционного объединения в статье понимаются изменения, происходившие в СЭВ в ходе его развития и упадка.

Развитие интеграционных образований, в представлении автора, зависит от ряда факторов. Первый – интересы стран-участниц, приоритеты их социально-экономического развития и внешней политики, готовность ограничить свой суверенитет и степень этой готовности в связи с участием в интеграционном проекте. Второй – это динамика международных экономических и политических отношений, в частности, конъюнктуры мировых рынков, изменения соотношения между мировыми финансовыми, технологическими и ресурсными центрами, которые оказывают сильное влияние на интеграционные объединения. Третий фактор – потребность в общей интеграционной идентичности, которая помогает преодолевать неизбежно возникающие между странами в ходе интеграции противоречия.

В случае, когда указанные факторы находятся в определенном соответствии, интеграция приобретает организационный дизайн в виде системы институтов, а ее развитие – поступательный характер. Если наступает несогласование между упомянутыми выше факторами, то интеграционные институты вступают в противоречие с национальными интересами, интеграционный процесс замедляется и переходит либо в стационарное состояние, либо угасает.

СЭВ, пожалуй, единственное интеграционное образование, которое в своем институциональном развитии прошло все этапы развития до официального прекращения деятельности, и в этом отношении интересен как объект исследования. Его жизненный

цикл отразил неспособность стран-участниц адаптировать национальные и интеграционные институты к быстро меняющейся международной конъюнктуре, что в конечном итоге обусловило потерю привлекательности социалистической идеи и утрату ее влияния на экономическое развитие и мироустройство.

Этапы жизненного цикла СЭВ

СЭВ возник в условиях холодной войны как ответ СССР на План Маршалла, введенного в действие в 1948 г. с официальной целью послевоенного возрождения экономики западноевропейских стран. Но не в меньшей степени он был нацелен на сохранение и расширение экономического и политического влияния США в Европе в условиях противостояния с СССР. Для экономического ослабления СЭВ, вскоре после его создания в 1949 г., США приняли «Закон о контроле над экспортом», который лег в основу деятельности КОКОМ – международной организации, созданной для многостороннего контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны, – в которой в основном участвовали государства, на которые распространялся план Маршалла. СЭВ и План Маршалла вместе образовали экономическую основу послевоенного биполярного мира.

В 1950-е гг. СЭВ был организацией, в рамках которой СССР оказывал помощь в переходе к плановой экономике, а точнее, к модели управления экономикой, сложившейся в нем в 1930-е гг., а также в восстановлении и индустриализации национальных экономик. В этот период СССР полностью контролировал эти государства, и его можно охарактеризовать как «период советизации с помощью СЭВ

национальных экономик стран Центральной и Восточной Европы и их восстановления и развития при помощи СССР». В этот период зарождались и бурно развивались взаимные торговые связи.

До Второй мировой войны страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) представляли экономическую периферию Европы, сильно различались по уровням социально-экономического развития и имели друг с другом весьма слабые торговые связи. СССР по величине экономики в 1,5–2 раза превосходил суммарный экономический потенциал будущих стран – участниц Совета [Božuk 1977, pp. 30, 38–39].

СССР поставлял в страны-участницы необходимые объемы топлива и сырья, машиностроительной продукции, которую сам производил. Одновременно СССР становился основным потребителем производимой в странах экспортной продукции. Помощь СССР стала важным фактором индустриализации путем создания в них тяжелой и оборонной промышленности. В целом же в странах преобладал курс на автономное развитие или импортозамещение, который приводил к формированию в них однотипных промышленных структур [Božuk 1997, pp. 55–57; Шмелев 2002, с. 116].

В 1950-е гг. происходило становление СЭВ как международной организации и формирование его институтов. В 1956 г. началась координация национальных планов развития. В ходе роста экономики и развития взаимной торговли на директивной основе стало складываться директивно-плановое разделение труда. Для его осуществления в 1962 г. были приняты «Основные принципы международного социалистического разделения труда» [Богомолов 1986, с. 59]. Разработка «Принципов МСРТ» стала концепцией развития СЭВ на последующие годы.

С принятием этого документа начинается новый этап развития СЭВ, связанный с развитием институтов сотрудничества. В 1964 г. была введена коллективная валюта – переводной рубль, который по золотому содержанию и по отношению к доллару был равноценен советскому рублю и обеспечивал исключительно двустороннюю торговлю. Стали создаваться международные хозяйственные объединения (Объединенная энергосистема «Мир», Общий парк вагонов, «Интерметалл», «Интерхим», Международный банк экономического сотрудничества, Международный инвестиционный банк и др.), через которые реализовывалась совместная плановая деятельности в отдельных видах производства.

В начале 1960-х гг. началось финансирование странами инвестиционных проектов в топливно-сырьевой сфере, в основном в СССР, и возмещение понесенных ими затрат поставками соответствующих видов топлива и сырья странами-производителями. В результате совместных или согласованных инвестиций в этот период строилась инфраструктура для обеспечения стран углеводородами (нефтепровод «Дружба», газопровод «Братство»).

В конце этого периода начали реализовываться первые проекты производственной кооперации. В частности, в 1968 г. было подписано международное соглашение о кооперации между польской компанией Polmot и советским «Автоэкспортом». На его основе стороны обменивались комплектующими (узлами и деталями) для производства автомобилей Fiat 125p и «Жигули».

Несмотря на расширение институциональной основы экономического взаимодействия, среднегодовые темпы роста взаимной торговли были существенно ниже, чем в 1950-е гг., соответственно 12% и 9%, при том что до-

ля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли всех стран в эти начальные периоды равнялась 60–62% [Во́зук 1977, pp. 111, 112].

Этот этап можно определить как формирование модели разделения труда между странами СЭВ, основанной на обмене сырья и топлива (СССР) на готовые товары (другие страны СЭВ), которая стала драйвером сотрудничества на основе плана. Она неплохо действовала при создании тяжелой промышленности, требующей от государства мобилизации крупных ресурсов. Но при отсутствии конкуренции не стимулировала рост эффективности производства.

К началу 1970-х гг. страны достигли довольно высокого уровня связанности национальных экономик. Но наметилось замедление экономического роста и взаимной торговли. Стало очевидным, что высокие темпы экономического роста, достигнутые в 1960-е гг., нельзя поддерживать, развивая преимущественно отрасли тяжелой промышленности. Рост потребности в топливе и сырье покрывался путем импорта из СССР. Страны СЭВ участвовали в таких проектах СССР, как расширение производства фосфоритов в г. Кингисепп, строительство Усть-Илимского целлюлозного завода, Кембаевского асбестового комбината, Криворожского ГОК, нефтепровода Полоцк – Биржай – Мажейкяй и др. Кредиты предоставлялись в основном в виде инвестиционных и потребительских товаров, а также строительных услуг [Костюшко 1997, с. 421–427].

Совместные сырьевые инвестиции в СССР способствовали углублению его топливно-сырьевой специализации в рамках не только СЭВ, но и мировой экономики. Другие страны-партнеры специализировались в основном на продукции высокой степени обработки. Например, Болгария специали-

зировалась на поставках электроники, электрокаров и погрузчиков, производстве аккумуляторов для судов и т. д.

Ориентацию СЭИ на межотраслевую и, по своей сути, экстенсивную специализацию нужно было дополнить активным развитием поузловой специализации и производственной кооперации. К этому подталкивало успешное развитие Европейского экономического сообщества (ЕЭС). В 1968 г. было завершено создание зоны свободной торговли, и Сообщество приступило к формированию Таможенного союза. К концу 1960-х гг. в ЕЭС был сформирован общий рынок сельскохозяйственной продукции. Страны-участницы развивались довольно высокими темпами.

Отражением структурных проблем в странах СЭВ стала попытка Чехословакии провести экономические реформы на основе концепции «рыночного социализма», которая руководством СССР была воспринята как отход от социализма и угроза нарушения баланса сил в биполярной системе.

Возникновение проблем и противоречий потребовало коррекции разработанной в начале 1960-х гг. концепции развития СЭВ. Ее результаты были положены в основу Комплексной программы СЭИ, принятой в 1971 г. и рассчитанной на 15–20 лет. Экономическое сотрудничество стран СЭВ стало официально именоваться экономической интеграцией. С этого момента начинается новый этап жизненного цикла СЭВ.

СЭИ, в представлении некоторых стран, могла ограничить национальный суверенитет [Богомолов 1986, с. 70]. Однако данный проект не предполагал создания наднациональных органов управления. Национальные интересы согласовывались на межгосударственном уровне путем более каче-

ственной координации планов и проведения на ее основе глубокой взаимной специализации.

Начало СЭИ совпало с разрядкой международной напряженности, которая стала возможна благодаря достижению ядерного паритета между СССР и США и стабилизации биполярного мироустройства. В этот период был ослаблен режим КОКОМ и началось расширение экономического сотрудничества стран СЭВ и Запада. СЭИ и разрядка должны были уравновесить враждебные отношения с Китаем, которые сильно обострились в условиях «культурной революции», начавшейся в 1966 г., и были на грани большой войны.

Программа СЭИ должна была повысить конкурентоспособности плановой интеграции в условиях мирного сосуществования двух систем. В этом контексте в конце 1960-х гг. началось сотрудничество СССР и Германии по модели «газ – трубы». Оно заметно окрепло в результате энергетического кризиса 1973–1975 гг., вызванного нефтяным эмбарго арабских стран для США и их союзников, которые поддерживали Израиль в его войне с Египтом и Сирией, и сокращением мировой добычи нефти. Блокада вызвала сильный рост мировых цен на углеводороды и одновременно расширила рынок сбыта углеводородов для СССР. В эти годы был пущен газопровод «Оренбург – Западная граница», по которому газ из СССР стал поступать в Германию через Польшу и ГДР. К середине 1970-х гг. была построена вторая очередь нефтепровода «Дружба». Благодаря этим проектам Европа смогла диверсифицировать внешние источники энергоснабжения и повысить устойчивость своего развития.

Осуществление крупных поставок газа и нефти в Западную Европу через страны СЭВ усилило транзитную зависимость СССР и потребовало более тесных и доверительных взаимных отношений, которые создавали СЭИ и общая социалистическая идентичность.

С интеграцией связывались также надежды на решение хронической проблемы баланса спроса и предложения и тем самым решить проблемы макроэкономического равновесия в странах. Это позволило бы доказать жизнеспособность плановой системы в противовес идеи реформ на основе «рыночного социализма», которую продвигали ряд ученых стран СЭВ² [Радаев 1997].

1970-е гг. стали вполне успешными для СЭИ, особенно первая половина, в которой были достигнуты максимальные темпы роста взаимной торговли – 17% в среднем за год [Шмелев 2002, с. 155]. В этот период расширяется число международных экономических организаций «Интерэлектро» и хозяйственных объединений «Интератомэнерго», «Интертекстильмаш», «Интерхимволокно», «Интератоминструмент», появляются совместные предприятия – советско-ГДРовское «Домохим», советско-монгольское «Эрденэт», польско-ГДРовская прядильная фабрика «Заверче» и ряд других. Произошло расширение СЭВ за счет Кубы (1972 г.) и Вьетнама (1978 г.). До этого, в 1962 г., к СЭВ присоединилась Монголия.

Для углубления интеграции стали внедряться такие инструменты, как долгосрочные целевые программы сотрудничества в отдельных отраслях экономики и согласованные на 5 лет многосторонние интеграционные мероприятия.

В целом к середине 1970-х гг. восходящая линия жизненного цикла СЭВ

2 Среди них следует назвать В. Бруса, Я. Корнаи, К. Коуба, Р. Нерша, О. Шика.

достигла своего наиболее высокого уровня. Этот этап развития СЭВ можно определить как *период проектной специализации на основе совместных предприятий и инвестиций, а также развития экономического сотрудничества со странами Запада*. Доля специализированной продукции в экспорте Болгарии в СССР в 1977 г. составляла 72%, Венгрии – 63%, ГДР – 68%, Польши – 69%, Чехословакии – 53% [Шмелев 2002, с. 159]. Отметим, что в это период мировые цены на нефть достигли максимально высокого уровня в XX в.

Во второй половине 1970-х гг. и первой половине 1980-х гг. темпы роста взаимной торговли и национальных экономик стали снижаться, отражая пробуксовку директивных методов управления интеграционным процессом. Жизненный цикл СЭВ перешел в фазу плато (стабилизации). Для этого *инерционного этапа* характерно устойчивое сокращение экономических эффектов от институтов СЭИ.

В конце 1970-х гг. все страны СЭВ сталкиваются с макроэкономической разбалансировкой национальных экономик, связанных с ростом внешней задолженности. Одной из причин этого стала технологическая слабость стран СЭВ и, прежде всего, СССР. Для модернизации своей промышленности страны СЭВ наращивали импорт оборудования из стран Запада, налаживали производство на основе лицензий, получаемых от западных фирм, работающих на импортных материалах и компонентах. В ответ поставлялись в основном товары низкой степени обработки, производимые из советского сырья. При этом цены на готовую импортную продукцию росли быстрее, чем на низкообработанную, экспортную, что оборачивалось ростом внешней задолженности всех стран СЭВ [Шмелев 2002, с. 125]. Доля развитых капиталистических стран в общем

экспорте стран СЭВ в 1975 г. составила около 25%, в импорте – более 35%, а взаимной торговли – соответственно 60% и 47%, что существенно меньше, чем на предыдущих этапах [Vožuk 1977, p. 293].

Во второй половине 1970-х гг. по мере наращивания добычи нефти странами ОПЕК и США стала понижаться ее мировая цена и, соответственно, доходы СССР и других стран СЭВ, экспортирующих нефтепродукты в третьи страны. В конце 1970-х гг. произошли два политических события, которые сильно повлияли на ход СЭИ. Это Исламская революция в Иране и начавшаяся вскоре его война с Ираком, которая вызвала резкую волатильность нефтяного рынка, и широкое вовлечение СССР во внутриафганский конфликт, которое вернуло мир к состоянию холодной войны.

Капиталистический мир в это время переживал либерализацию торговли и переход на новый технологический уклад, характеризующийся снижением энерго- и материалоемкости, что вызвало быстрое развитие ТНК и формирование трансграничных цепочек добавленной стоимости. Международная торговля стала главным фактором развития мировой экономики. ЕЭС, преодолевая возникающие противоречия, развивалось как вглубь, так и вширь. В 1970-е гг., помимо Таможенного союза, начала формироваться Европейская валютная система. В 1973 г. произошло его первое, а в 1980-е гг. – второе расширение, что свидетельствовало о привлекательности Сообщества для других европейских стран.

СССР также широко вошел в мировую торговлю, но в ином качестве, став крупным экспортером углеводородов и одновременно таким же крупным импортером зерна и западных технологий. Его финансовое положение сильно зависело как от объемов продаж неф-

ти на внешних рынках и цен нефтяного рынка, так и от объемов и импортной цены на продовольственное зерно.

В первой половине 1980-х гг. темпы взаимной торговли стран СЭВ, которая во многом определяла их развитие, оставались довольно высокими – около 10% в среднем за год, но это был результат роста цен, а не физических объемов торговли. В странах заметно сократился экономический рост. Они испытывали большие трудности в связи с перегруженностью ресурсо- и энергоемкими производствами, а создаваемые на основе западных технологий современные производства требовали большого объема импорта материалов и комплектующих. В частности, Болгария на основе лицензионных соглашений стала развивать производство электронных приборов, компоненты для которого в основном импортировались из стран Запада. Однако Болгария не смогла выйти с этой продукцией на мировой рынок и более 70% этой продукции направляла на советский рынок. Страна оказалась в двойной зависимости от импорта элементной базы на Западе и советского рынка сбыта, при том что при высокой цене качество болгарской продукции было невысоким [Князев 1991, с. 44].

Возникающую в связи с отрицательным сальдо платежного баланса проблему бюджетного дефицита страны были вынуждены решать путем повышения цен на потребительские товары и услуги, что вызвало недовольство населения, доходившее до массовых выступлений против власти, как это было в Польше. Отражением финансовых дисбалансов стала начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка, повлекшая кардинальные изменения во внутренней и

внешней политике и давшая «зеленый свет» рыночным преобразованиям в странах ЦВЕ.

Для всех стран СЭВ было крайне важно нацелить интеграцию на развитие высокотехнологичных производств с высокой добавленной стоимостью. В конце 1985 г. была принята «Комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ до 2000 г.». В 1987 г. страны СЭВ обращаются к идее «рыночного социализма» и начинают создавать Объединенный рынок стран СЭВ. Но до их реализации дело не дошло. В 1986 г. резко упали цены на углеводороды, что сильно ухудшило финансовое положение СССР³. Ситуацию частично можно было исправить наращиванием добычи нефти, но этого не произошло из-за недостаточного финансирования буровых работ, необходимых для увеличения запасов, готовых для добычи [Пан Чаннэй 2010, с. 17–27]. В связи с этим в конце 1980-х гг. СССР оказался в тяжелом валютном кризисе, который он пытался решить путем внешних заимствований на крайне невыгодных условиях. Тем не менее в это время на компенсационной основе велось строительство магистрального газопровода Ямал – Западная граница и Хмельницкой АЭС.

Взаимная торговля в этот период не росла в стоимостном выражении. Специализация, складывавшаяся в рамках МСРТ к данному этапу жизненного цикла, перестала соответствовать интересам стран-членов, а институты СЭВ – задачам развития национальных экономик, оказавшись бессильными перед «экономикой дефицита», для которой была характерна балансировка спроса и предложения с помощью

3 Падение цен было связано с наращиванием добычи и экспорта нефти Саудовской Аравией, которая таким образом оказывала давление на СССР в связи с его войной в Афганистане и пыталась расширить свою долю на мировом рынке нефти.

регулирования количества товара, а не цены на него [Корнаи 1990, с. 147–172]. СЭВ перешел на траекторию завершения своего жизненного цикла, которая приобрела «пикирующий» характер.

Под грузом социальных и экономических проблем в это время к власти в странах приходят политические круги, отвергающие рыночный социализм и нацеленные на рыночную трансформацию. Это, а также катастрофическое положение финансовой системы вынудили СССР перейти во взаимных расчетах на валюту, что стало приговором для СЭВ. Национальные экономические интересы перечеркнули социалистическую идентичность. Прекратило свое существование и биполярное устройство мира. Бывшие страны СЭВ быстро сменили свою интеграционную ориентацию, и уже в 1995 г. многие из них подписали соглашение об ассоциации с ЕС.

Институциональные причины неудачи СЭИ и СЭВ

Институты СЭВ опирались на два главных принципа – директивную плановость сотрудничества и обособленность от мирового рынка. Первый был развернут в систему координации планов развития стран-участниц и двусторонние планы взаимной торговли. Второй осуществлялся через монополию государств на внешнюю торговлю и ее расчетный инструмент – неликвидный переводной рубль.

По мере перехода мировой экономики на новый технологический уклад и растущую неустойчивость экономической конъюнктуры, действующие институты, несмотря на их совершенствование, перестали обеспечивать позитивные структурные и технологические изменения в национальных экономиках стран СЭВ. В модернизации

национальных экономик все большую роль играло сотрудничество со странами Запада, которое осуществлялось на рыночной основе с использованием конвертируемой валюты.

Перенастроить деятельность СЭВ с решения балансовых проблем на содействие повышению эффективности национальных экономик и взаимных торговых и инвестиционных связей в рамках административно-плановой системы оказалось невозможно. Преобладание балансового подхода в деятельности СЭВ тормозило развитие экспортных производств и вызвало деление товаров, обмениваемых странами, на «твердые» (валютные – более дефицитные, но пользующиеся спросом на мировом рынке), и «мягкие» (рублевые – менее дефицитные, но и не пользующиеся спросом на рынках третьих стран). При этом страны стремились к балансированию во взаимной торговле как по группе «твердых», так и «мягких» товаров. Однако это не всегда удавалось, давая основание для взаимных претензий. При этом ни в странах, ни в СЭВ как международной организации не уделялось большого внимания качеству производимой продукции для потребителей в странах-партнерах [Князев 1991, с. 25].

В центре возникавших между странами экономических противоречий лежало «игнорирование объективного соотношения цен и затрат в их подлинно рыночном, а не в счетном значении» [Шмелев 2002, с. 165]. В этом отношении показательна роль волатильности нефтяного рынка, чем бы она ни была вызвана, на динамику сотрудничества. При высоких ценах на нефть СЭВ был вполне успешен, для разрешения противоречий находились ресурсы, при резком падении цен противоречия обострялись, в результате которых СССР приходилось свертывать внутренние социальные программы.

Непосредственным «могильщиком» плановой системы международных экономических отношений стала невозможность определения взаимовыгодных цен на товары взаимной торговли. Плановые отношения требовали ценовой стабильности во взаимной торговле. До 1957 г. во взаимной торговле сохранялись цены 1949 г. В 1958 г. была принята схема определения цен взаимной торговли в двустороннем порядке на базе средних мировых цен на соответствующий товар за предшествующее пятилетие. Такая система была более или менее приемлема, но при резких перепадах цен, причем в разной степени на отдельные товары, такая практика ценообразования давала сбой, сильно изменяя условия торговли между странами СЭВ.

В 1975 г., реагируя на сильные скачки мировых цен, страны СЭВ модернизировали систему ценообразования, перейдя к т. н. шагающим ценам. Контрактные цены стали пересматриваться каждый год путем усреднения мировых цен за прошедший пятилетний период. Это позволило несколько смягчить проблему колебания мировых цен, но не сняло проблему неэквивалентного товарообмена.

Множественность контрактных цен на один и тот же товар во взаимных торговых отношениях разных стран СЭВ фактически означала неодинаковую покупательную способность переводного рубля в отношениях между различными парами стран.

В условиях неустойчивости мировой экономики в 1970–1980-х гг. было все труднее сбалансировать взаимную торговлю без экономических потерь для одной из сторон. Положительное сальдо в виде переводных рублей представляли собой активы, которые нельзя было потратить, поскольку отсутствовали соответствующие товарные фонды. Так у СССР – поставщика то-

плива и сырья за 1975–1985 гг. накопилось 15 млрд неликвидных переводных рублей. У европейских стран СНГ в результате падения цен на топливо и сырье в 1986–1990 гг. в торговле с СССР образовались активы в 10 млрд переводных рублей [Гринберг, Лигай 1991, с. 84].

Отсутствие адекватных монетарных инструментов регулирования взаимного сотрудничества консервировало отсталую структуру производства в странах и не стимулировало наращивание выпуска качественных экспортных товаров. На этапе внедрения хозрасчетных отношений в национальных экономиках несовершенный платежно-расчетный механизм бил по доходам предприятий и, соответственно, по их интересам наращивать взаимные торговые связи на основе более глубокой специализации.

Серьезные проблемы во взаимных расчетах создавали сырьевые проекты. За время их реализации происходило существенное изменение ценовых пропорций обмена. Повышение или понижение мировых цен на поставляемое в порядке компенсаций за инвестиционный вклад топливо и сырье нарушало расчетную эквивалентность обмена, что давало повод для взаимной неудовлетворенности сотрудничеством.

Особенностью ушедшего с исторической сцены СЭВ является то, что все страны-участницы считают себя потерпевшими. И со временем негативные оценки его деятельности в странах ЦВЕ только усиливаются. Они в основном связаны с тем, что многие созданные в ходе социалистической индустриализации производства в рыночных условиях оказались убыточны. Однако специализация стран, которая устанавливалась в ходе СЭИ, была общим делом. А экономические провалы в этом отношении страны покрывали не только займами у стран Запада,

но и финансовой поддержкой СССР, прежде всего через завышенные цены на импортируемую им продукцию. Это можно проиллюстрировать таким примером. В СССР направлялось более 70% выпускаемой в Болгарии электроники, которая по своему качеству относилась к «мягким» товарам, а получала взамен «твердые» товары в виде топлива и сырья. При этом по текущим контрактным ценам СССР за единицу электронной продукции поставлял в 5 раз больше нефти, чем за аналогичную, но более качественную продукцию, закупаемую на Западе [Князев 1991, с. 44]. Общая сумма выигрыша, полученного восточноевропейскими странами от торговли с СССР за 1970–1984 гг., по оценкам американских исследователей М. Маррезе и Я. Вануша, составила 196 млрд долл. [Marrese, Vanous 1988, pp. 202–203].

Подсчет баланса экономических выгод и потерь для стран за годы социалистического сотрудничества является бессмысленным, поскольку субъектами международных экономических отношений были государства, действовавшие на основе национального законодательства и заключаемых соглашений. Списки и количества обмениваемых товаров, цены, курсы имели не чисто экономическую мотивацию, а находились в комплексе политических, оборонных, идеологических вопросов. Причем в условиях конфронтации Запада и Востока для СССР это была норма поведения, а для других стран СЭВ все же важнее были национальные интересы, как они понимались в то время.

Эффективность экономического сотрудничества СССР и стран СЭВ можно оценить через современную структуру их товарооборота, в которой сохранились действительно конкурентоспособные товары. Во все постсоциалистические годы российский экспорт сильно превышал встречный экс-

порт стран ЦВЕ. В современной структуре товарооборота стран сильно сократилась доля машиностроения. Советские «твердые товары» сохранили свою «твердость» и в изменившихся геополитических условиях. В российском экспорте резко преобладают минеральные продукты. Основу современного экспорта стран ЦВЕ составляют потребительские товары, которые и в годы социалистического сотрудничества входили в его «твердую» часть.

Уроки жизненного цикла СЭВ

Провал СЭВ отразил неконкурентоспособность плановой модели интеграции по сравнению с рыночной, которая усиливалась по мере роста значимости торговли в развитии мировой экономики. Несмотря на это, СЭВ внес заметный вклад в развитие международных экономических отношений. Он был частью биполярного мироустройства и поддерживал стратегическую стабильность в мире. И в этом своем качестве внес вклад в предотвращение Третьей мировой войны, издержки которой были бы несравненно выше, чем прямые и возможные упущенные выгоды стран – участниц этого проекта.

СЭВ, будучи альтернативным по институтам интеграционным проектом, способствовал совершенствованию институтов европейской интеграции, особенно в части планирования интеграционного процесса и создания механизмов сближения уровней развития и благосостояния стран-участниц.

Вместе с тем опыт СЭВ показал, что замкнутая региональная группировка догоняющего типа, действующая на иных принципах и по иным правилам, в условиях динамично развивающейся мировой экономики обречена на неудачу. ЕЭС, построенное на рыночных принципах и либерализации торгов-

ли, оказалось устойчиво к внешним шокам и более эффективно в условиях набирающей силу глобализации. Чтобы соответствовать нарастающей сложности международных экономических отношений, нужно было создавать соответствующие им интеграционные и национальные институты стран-участниц. СЭВ, вероятно, мог бы продолжить свою деятельность, начни страны реформы в духе «рыночного социализма» на 8–10 лет раньше, начав движение в сторону ликвидности переводного рубля и внедрения других финансовых институтов сотрудничества.

Центральным вопросом эффективности интеграции, как показал опыт СЭВ, является обретение странами-участницами такой их специализации не только в рамках интеграционного объединения, но и мировой экономики в целом, которая укрепит экономический суверенитет и обеспечит получение устойчивого дохода. Но выход на такую специализацию невозможно осуществить вне мирового технологического развития и соответствующей технологической и финансовой силы страны/стран лидеров интеграционного процесса, заинтересованных в этой специализации.

Важной составляющей интеграционного опыта СЭВ стало большое внимание, уделяемое инфраструктуре, обеспечивающей взаимные связи и связи с третьими странами. Реализованные в 1960–1980-е гг. транспортные проекты сегодня в своем большинстве составляют важные звенья в общеевропейской системе коммуникаций и энергоснабжения. Эти проекты помогли странам ЦВЕ войти в европейскую экономику, а России наращивать торговые связи с континентом в рыночных условиях.

СЭВ – единственная интеграционная организация, имеющая опыт раздела государственных активов в ходе своей ликвидации. Она потребовала длительных двусторонних переговоров, оценочных экспертиз и нацеленности сторон на достижение компромисса. На это потребовалось немало лет. В частности, с Польшей все денежно-имущественные разногласия были урегулированы в ноябре 1996 г. [Бухарин 2007, с. 70]⁴.

Современные интеграционные объединения, в представлении автора, в ходе эволюции будут менять функции и институты, состав участников, входить в более крупные альянсы, но вряд ли исчезать из мировой экономики. Понятно, что СЭВ строился в иной системе идеологических координат, которые не выдержали испытания временем. Тем не менее его опыт позволяет взглянуть на важные для России интеграционные проекты с точки зрения концепции жизненного цикла.

В настоящее время в непростой обстановке оказался ЕС – наиболее удачный интеграционный проект в системе мировой регионализации. Быстрое развитие Союза «вширь и вглубь» остановил мировой финансовый кризис. Внешняя торговля в большой мере утратила подъемную силу как фактор интеграции. Пробуксовку европейского интеграционного процесса усугубили миграционный кризис и Брекзит [Куликова 2019]. Начавшаяся деглобализация обнажила слабости либеральной идеологии и идеологии «единой европейской семьи», на основе которой развивался ЕС. Опыт СЭВ показал, что интеграционная идентичность, построенная на идеологии, оказывается неустойчивой, ненадежной в экстремальных экономических услови-

4 Для сравнения: выход Великобритании из ЕС с момента проведения референдума занял четыре с половиной года.

ях. Сильный удар по единству ЕС, безусловно, нанесла пандемия Covid-2019. Можно предположить, что европейский интеграционный процесс вышел на стадию плато и находится на развилке: либо он войдет в стадию регресса или управляемого дерегулирования путем передачи части наднациональных функций на национальный или межнациональный уровень принятия решений, либо останется в прежнем виде, вызывая все более острые противоречия в Союзе, которые отражают рост расхождений между европейской и национальной идентичностями. В их основе лежит неудовлетворенность периферийных стран Союза от сокращения финансовой поддержки из бюджета ЕС при сохранении ограничений на свободу внешнеэкономических связей со стороны Еврокомиссии. Поскольку речь о европейской конфедерации сегодня не идет, в качестве варианта институционального развития ЕС можно рассматривать его дифференциацию по соотношению интеграционных и национальных интересов с разными институциональными режимами. Словом, трансформация ЕС назревает.

Во внешней политике ЕС будет стремиться идти «во вне», но в различных «мягких» формах, облегчающих доступ европейских товаров на рынки стран, готовых к углубленному с ним сотрудничеству. Речь может идти о странах Восточного партнерства, балканских странах-кандидатах и, вероятно, о средиземноморских странах Африки. ЕС будет стремиться создавать ЗСТ со всеми готовыми на это странами по всему миру. Но при этом с плато ЕС вряд ли сойдет. Будущее в мире – за проектами регионализации, управляемыми на межнациональном уровне, позволяющим сохранить национальную идентичность и максимально использовать интеграционный фактор для национального развития.

В резерве у ЕС есть и проекты Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, Большой Европы или Евразии, Шелковый путь, в которые ЕС может войти как один из членов. В этом случае жизненный цикл ЕС как самостоятельного центра мировой экономики де-факто может и закончиться, поскольку он растворится в более крупном трансконтинентальном интеграционном проекте. Но об условиях, которые могут привести к такой ситуации и как это будет происходить, можно только гадать.

На пространстве бывшего СССР в 1990–2010-е гг. бурно протекали процессы регионализации, направленные в сторону как его интеграции, так и дезинтеграции. Одновременность этих процессов объяснялась глубоким экономическим спадом, который был связан с распадом СССР и рыночной трансформацией, формированием новых государств и их идентичности, инерцией прошлых взаимозависимостей.

СНГ – пример несостоявшегося, но сохраняющегося постсоветского интеграционного проекта. Изначально он рассматривался как некая конфедерация большей части новых государств, но из-за противоречивых интересов новых государств превратился в организацию «цивилизованного развода» форумного типа. Идея преобразовать систему двусторонних зон свободной (условно) торговли (ЗСТ) в многостороннюю ЗСТ частично удалась в 2012 г. Но из-за российско-украинского конфликта сфера действия этой ЗСТ и ее возможности «создать» торговлю существенно сузились. Если на начальном этапе при разветвленной организационной структуре и довольно большом числе заключенных соглашений о сотрудничестве, которые страны не обязаны были выполнять, доля взаимной торговли в ее общем объеме составляла около 60%, то в настоящее

время она равна 17–18%. Это связано с постепенным разрушением взаимных связей под влиянием геополитики, импортозамещения и переориентации торговли на другие страны. Оторванность институтов от реальных процессов экономического взаимодействия – характерная черта СНГ. Страны – основатели в конечном итоге раскололись на три группы: прозападные, проевроазиатские и нейтральные. В жизненный цикл, пройденный СЭВ, динамика этой организации не укладывается. Содружество продолжает жить, но его деятельность сузилась до некоторых вопросов гуманитарного и геополитического характера.

В январе 2000 г. был запущен проект Союзного государства Беларуси и России. Его особенностью является то, что с момента распада СССР Беларусь и Россия стремились сохранить прозрачность новой границы, используя разные форматы межгосударственного сотрудничества. Этому способствовали тесные экономические связи, сложившиеся в советское время, близкие по духу национальные идентичности, опирающиеся на этнокультурную близость двух народов. В то же время в России и Беларуси формировались разные политические системы и системы управления экономикой и социальной сферой. Стремление к единству проявлялось в условиях несовпадающих политических и экономических интересов. РБ в рамках Союзного государства хотела бы, сохраняя суверенитет, иметь доступ к рынку и ресурсам РФ на уровне субъектов РФ. Россия же к этому не готова без более глубокой интеграции союзных государств. Соглашение о создании равных условий субъектам хозяйствования в экономической сфере от 25 декабря 1998 г. оказалось трудноисполнимым.

В связи с этим при развитых институтах из-за возникающих между стра-

нами противоречий по поводу цен на энергоносители, доступу на рынки друг друга и компенсаций для бюджета РБ в связи с потерями от проводимого в РФ «налогового маневра», наблюдается пробуксовка реальной интеграции [Шурубович 2018, с. 78]. Последняя попытка углубить интеграцию двух стран в рамках СГБР, осуществленная в конце 2019 г., закончилась безрезультатно. В ходе пандемии обострились противоречия по поводу цены на газ. В целом же жизненный цикл этого объединения достиг стадии плато и может при достижении взаимных договоренностей подняться выше, но может и соскользнуть вниз. Для обоих государств есть «запасной аэродром» в виде ЕАЭС. Но было бы недальновидно не использовать потенциал СГБР для цифровизации интеграционного процесса, к которой страны вполне готовы.

ЕАЭС – новое интеграционное образование, запущенное 5 лет назад. Нельзя сказать, что оно возникло на пустом месте. За 12 лет до этого было подписано соглашение о создании «Единого экономического пространства» в составе Беларуси, Казахстана, России и Украины, но смена власти на Украине в результате «оранжевой революции» похоронила этот проект. Едва родившись, он ушел с повестки дня, не пройдя ни одного этапа возможного жизненного цикла.

Участвующие в ЕАЭС страны в своем большинстве ранее учреждали Таможенный Союз, а затем ЕврАзЭС. Это были своего рода промежуточные этапы на пути к интеграции нового типа, скроенной по образцу ЕС, но с серьезными отклонениями от прототипа.

До 2025 г. в ЕАЭС будут формироваться основные институты интеграции, причем до настоящего времени они развивались быстрее, чем реальное сотрудничество в виде взаимных товаропотоков и инвестиций. Это связано с

турбулентностью мировой экономики, санкционным режимом Запада и особенностями внутриконтинентального положения стран-участниц при их больших межстрановых различиях и недостаточно развитой инфраструктуре. Они проявляются в уровнях рыночной трансформации экономики, степени вмешательства государства в экономику, ее монополизации и свободы предпринимательства. В итоге модель ЕАЭС несет в себе как элементы рационального экономического поведения, так и несовпадения ценностных ориентиров стран-участниц. Это отражается в стремлении стран использовать в полной мере выгодные для себя регламенты ЕАЭС и максимально возможно уклониться от исполнения невыгодных для них интеграционных правил. Иными словами, национальные интересы пока преобладают над интеграционными [Вардомский 2019, с. 81–83].

Трудности для евразийской интеграции создает и сырьевая экспортная специализация таких стран, как Россия и Казахстан. В условиях неустойчивости мировой конъюнктуры и геополитической напряженности это сопряжено с немалыми рисками для всех стран-участниц в связи с перепадами в получаемых ими экспортных доходах. Другая область рисков для евразийской интеграции связана с тем, что страны – члены ЕАЭС, производители топлива и сырья, а также их транзитеры на рынках третьих стран нередко пытаются использовать свое монопольное положение для решения национальных финансовых проблем и геополитических задач. Решение возникающих проблем в рамках ЕАЭС видится не только в создании общих рынков, но и институтов, регулирующих права и обязанности экспортеров и импортеров энергоносителей, а также транзитных услуг.

К успехам ЕАЭС следует отнести сближение уровней развития и дохо-

дов населения стран-участниц за счет как трудовых миграций, так и финансирования бизнес-проектов из двусторонних фондов их поддержки, созданных при участии России и Казахстана.

ЕАЭС, в отличие от СНГ и СЭВ, – открытое интеграционное образование, параллельно с развитием «вглубь» ориентируется и на развитие «вширь». При этом обслуживание торговли с третьими странами и между третьими странами становится существенным фактором евразийской интеграции, учитывая ее положение между Европой и Китаем.

В целом ЕАЭС находится на начальной стадии жизненного цикла, совершая восхождение вверх по весьма пологой траектории. Страны-участницы испытывают определенные трудности в формировании новой специализации в связи с установкой на укрепление национального экономического суверенитета. Об этом, в частности, свидетельствуют сложности, возникшие при согласовании положений «Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» на Высшем евразийском экономическом совете в мае 2020 г.

Важным фактором развития ЕАЭС становится китайский мегапроект «Пояс и путь». Однако его влияние может как сдерживать, так и стимулировать евразийский интеграционный процесс, в зависимости от внутренней и внешней конъюнктуры. В ЕЭК исходят из необходимости превращения ЕАЭС в центр трансрегионального проекта – «всеобъемлющего континентального партнерства» [Доклад о реализации основных направлений 2018, с. 51]. Но при недостаточной динамике евразийского интеграционного процесса не исключен сценарий превращения Союза в часть китайского мегапроекта «Пояс и путь».

Новые и неосмысленные пока риски для постсоветских интеграционных проектов кроются в пандемии.

Трансграничный карантин резко ослабил социальные взаимодействия стран ЕАЭС, которые играют важную роль в интеграционном процессе [Вардомский, Соколова 2020, с. 135–136]. Большому испытанию подвергается Союзное государство. Оно больше подвержено действию субъективных факторов и стремлению использовать свою геополитическую значимость для России с целью укрепления существующего в Беларуси политического режима.

В этом контексте важны успехи России в социально-экономическом развитии, в борьбе с пандемией, ее готовность к технологической и институциональной модернизации. Постсоветские страны стремятся к сотрудничеству с Россией, она им необходима с точки зрения их развития. Естественное тяготение постсоветских стран Россия не должна использовать преимущественно для своей пользы. Отношения в рамках упомянутых постсоветских интеграционных проектов должны быть направлены на сопряжение российских интересов и развитие ее ближайших соседей. Это, на наш взгляд, одно из условий превращения ЕАЭС в центр Евразийского континентального партнерства на основе формирования общей идентичности, которая независимо от размеров и уровня развития стран-участниц позволила бы развивать интеграционные процессы более уверенно и динамично. В качестве основы новой идентичности можно использовать представление о пространстве, занимаемом странами, как пространстве общего историко-географического и культурного наследия – «евразийскую идентичность». Это представление может стать основой и для совместного развития некоторых важных для мира функций: трансатлантических коммуникаций, производства энергоносителей и продовольствия, развития космических и цифровых технологий и т. п.

Список литературы

Богомолов О.Т. (1986) Страны социализма в международном разделении труда. М.: Наука.

Бухарин Н.И. (2007) Российско-польские отношения. 90-годы XX века – начало XXI века. М.: Наука.

Вардомский Л.Б. (ред.) (2019) Евразийская интеграция в турбулентном мире. СПб.: Алетейя.

Вардомский Л.Б., Соколова Т.В. (2020) Социальные детерминанты евразийской интеграции // Мир перемен. № 1. С. 131–147.

Гринберг Р.С., Лигаи К.М. (1991) От братства к партнерству // Экономические науки. № 4. С. 80–93.

Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза (2018) // ЕЭК // <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Князев Ю.К. (ред.) (1991) Неэффективность структурной политики как одна из причин общественно-экономического кризиса в странах Восточной Европы. М.: ИМЭПИ РАН.

Корнаи Я. (1990) Дефицит. М.: Наука.

Костюшко И.И. (ред.) (1979) Очерки истории советско-польских отношений, 1917–1977 гг. М.: Наука.

Куликова Н.В. (ред.) (2019) Проблемы экономического роста в странах

Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике. М.: ИЭ РАН.

Пан Чэннэй (2010) Нефтяная политика и распад Союза: взгляд из Китая // Вестник НГУЭУ. № 2. С. 17–27 // <https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanaya-politika-i-raspad-sovetskogo-soyuza-vzglyad-iz-kitaya/viewer>, дата обращения 22.06.2020.

Радаев В.В. (ред.) (1997) Всемирная история экономической мысли. Т. 6. Книга 2. Глава 31. Часть вторая. Экономические концепции в странах, вставших на путь социалистического развития. М.: Мысль.

Широкова Г.В., Клемина Т.Н., Козырева Т.П. (2007) Концепция жизненного цикла в современных организационных и управленческих исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Выпуск 2. Общественный и стратегический менеджмент.

С. 3–31 // https://elibrary.ru/download/elibrary_9496833_43915841.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Шмелев Б.А. (ред.) (2002) Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису 1966–1989. М.: Наука.

Шурубович А.В. (2018) Экономическое взаимодействие России и Белоруссии: интеграционные проекты и национальные интересы. М.: Институт экономики РАН.

Bożyk P. (1977) Wspolpraca Gospodarcza Krajow RWPG, Warszawa: PWE (на польском).

Marrese M., Vanous J. (1988) The Content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984 // Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and the Soviet Union (eds. Brada T., Hewatt I., Wolf A.), Durham: Duke University Press, pp. 202–203.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Forgotten Integration: The Failure and Lessons of the Council of Mutual Economic Assistance

Leonid B. VARDOMSKIY

DSc in Economics, Head of the Center for Post-Soviet Studies
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218, Nakhimovskij Av., 32, Moscow, Russian Federation
E-mail: wardom@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9508-5945

CITATION: Vardomskiy L.B. (2020) Forgotten Integration: The Failure and Lessons of the Council of Mutual Economic Assistance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 176–195 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-10

Received: 24.04.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared as part of the theme of the state task “The Russian factor in the socio-economic development of the countries of the “neighborhood belt”.

ABSTRACT. *CMEA evolution is considered using the concept of a life cycle. Entry into individual stages of the life cycle depends on the compliance of integration institutions with internal and external development factors of the participating countries, the ratio of integration and national identity. The CMEA analysis allows us to assess the dynamics of modern integration projects important for Russia. The main reasons for the collapse of the CMEA were the overestimation of the role of planned instruments and the underestimation of the role of monetary instruments, collective import substitution (autarky) and technological weakness, primarily the USSR, as a leader in the integration process. To modernize their industry, the CMEA countries, under conditions of detente, increased imports of equipment from Western countries. The country's budget deficit arising in connection with the*

growth of external debt was forced to solve by raising prices for consumer goods and services, which caused social discontent. Delays in market reforms exacerbated the situation. The “perestroika” that began in 1985 in the USSR, brought about drastic changes in domestic and foreign policy and gave a “green light” to market transformations in CEE countries. Despite the failure, CMEA made a significant contribution to the development of global regionalization processes. It was part of the bipolar world order and supported strategic stability in the world, contributed to the improvement of European integration institutions, especially in terms of planning the integration process and creating mechanisms for converging the levels of development and welfare of the participating countries.

The CMEA experience has shown that in order to meet the growing complexity of the international economic, it is neces-

sary to create the corresponding integration and national institutions of the participating countries. The central issue of the effectiveness of integration is the acquisition by the participating countries of such specialization, not only within the framework of the integration association, but also of the global economy as a whole, which will ensure their sustainable income.

In the course of evolution, modern integration associations will change functions and institutions, the composition of participants, enter into larger alliances, but are unlikely to disappear from the world economy as CMEA.

KEY WORDS: CMEA, life cycle, institutions, national interests, identity, USSR, CEE countries, integration project, plan coordination, specialization, market reforms, EU, post-Soviet integration, Russia

References

Bogomolov O.T. (1986) *The Countries of Socialism in the International Division of Labor*, Moscow: Nauka (in Russian).
 Bożyk P. (1977) *Współpraca Gospodarcza Krajów RWPG*, Warszawa: PWE (in Polish).
 Bukharin N.I. (2007) *Russian-Polish Relations. 90 Years of the Twentieth Century, the Beginning of the Twenty-first Century*, Moscow: Nauka (in Russian).
 Greenberg R.S., Ligay K.M. (1991) From Fraternity to Partnership. *Economic Sciences*, no 4, pp. 80–93 (in Russian).
 Knyazev Yu.K. (ed.) (1991) *The Inefficiency of Structural Policy as One of the Causes of the Socio-economic Crisis in Eastern Europe*, Moscow: IMEPI RAS (in Russian).
 Kornai J. (1990) *Deficit*, Moscow: Nauka (in Russian).
 Kostyushko I.I. (ed.) (1979) *Essays on the History of Soviet-Polish Relations 1917–1977*, Moscow: Nauka (in Russian).

Kulikova N.V. (ed.) (2019) *Problems of Economic Growth in the Countries of Central and Eastern Europe in the Context of a New Reality in the World Economies*, Moscow: IE RAS (in Russian).

Marrese M., Vanous J. (1988) The Content and Controversy of Soviet Trade Relations with Eastern Europe 1970–1984. *Economic Adjustment and Reform in Eastern Europe and the Soviet Union* (eds. Brada T., Hewatt I., Wolf A.), Durham: Duke University Press, pp. 202–203.

Pan Chennai (2010) Oil Policy and the Collapse of the Union: A View from China. *Vestnik NSUEM*, no 2, pp. 17–27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neftyanaya-politika-i-raspad-sovetskogo-soyuza-vzglyad-iz-kitaya/viewer>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Radaev V.V. (ed.) (1997) *World History of Economic Thought*. Vol. 6. Book 2. Chapter 31. Part two. Economic Concepts in Countries Embarked on the Path of Socialist Development, Moscow: Mysl’ (in Russian).

Report on the Main Directions of Integration within the Framework of the Eurasian Economic Union (2018). *EEC*. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-2018.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Shirokova G.V., Klemina T.N., Kozyreva T.P. (2007) The Concept of the Life Cycle in Modern Organizational and Managerial Research. *Vestnik of Saint Petersburg*

University. Serie 8. Issue 2. Management. pp. 3–31. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_9496833_43915841.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Shmelev B.A. (ed.) (2002) *Central-Eastern Europe in the Second Half of the Twentieth Century*. Vol. 2. From Stabilization to the Crisis of 1966–1989, Moscow: Nauka (in Russian).

Shurubovich A.V. (2018) *Economic Cooperation between Russia and Belarus: In-*

tegration Projects and National Interests, Moscow: IE RAS (in Russian).

Vardomskiy L.B. (ed.) (2019) *Eurasian Integration in the Turbulent World*, Saint Petersburg: Aleteya (in Russian).

Vardomskiy L.B., Sokolova T.V. (2020) Social Determinants of Eurasian Integration. *The World of Transformations*, no 1, pp. 131–147 (in Russian).